

К ИСТОРИИ ВОПРОСА О ЦОРПОК-КУРУ. СВЯЗИ КУЛЬТУРЫ АЙНУ С КУЛЬТУРОЙ ДЗЁМОН

Многие исследователи культуры айну (Дж. Бэчелор, С. Цубои, Б. Пилсудский, Л.Я. Штернберг) в разное время и от разных информантов записывали так называемую легенду о цорпок-куру. (Написание *цорпок-куру* правильное, чем широко распространенное *коропок-гуру*, потому что, во-первых, *коропок* есть искажение оригинального айнского слова *цорпок* – "под", а во-вторых, в языке айну звук [г] сам по себе не существует, а возможен лишь как вариант фонемы /к/.)

В самом обобщенном виде легенда о цорпок-куру выглядит следующим образом: когда айну пришли на Хоккайдо/Сахалин, они столкнулись с народом, живущим в землянках и изготавливающим керамическую посуду. Представители этого народа были невысокого роста и внешне не сильно отличались от айну, так же, как и последние, охотились на сухопутных и морских зверей и ловили рыбу. Кроме того, они имели обыкновение похищать айнских женщин, из-за чего айну стали вести с этим племенем войны и, в конце концов, вынудили его покинуть Хоккайдо/Сахалин. На Хоккайдо данное мифическое доайнское племя называлось *цорпок-куру*, на Сахалине – тон-ци.

Когда начались серьезные исследования айну, а также археологические исследования культуры Дзёмон, антропологи неоднократно спрашивали айну о происхождении котлованов, оставшихся от землянок, а также керамики и каменных орудий. В ответ им рассказывали легенду о цорпок-куру. Опрашиваемые айну также добавляли, что ни они сами, ни их предки никогда не строили землянок, не пользовались керамикой или каменной посудой (*Козырева* 1967: 21–22).

Мнения антропологов по поводу легенды о цорпок-куру и о том, являются ли останки каменного века результатом деятельности айну, разделились. Одни антропологи (С. Цубои, Б. Пилсудский) полагали, что народ цорпок-куру действительно существовал и был вытеснен айну и что котлованы жилищ, глиняная посуда и каменные орудия, находимые при раскопках, принадлежат не айну, а доайнскому племени цорпок-куру. Другие антропологи (Р. Тории, Ё. Коганэи, Н.Г. Манро, Б. Ляуфер, Дж. Бэчелор) рассматривали цорпок-куру как "мифологический народ" и считали, что создателями древних землянок, керамики и каменных орудий являются сами айну. Они указывали на многочисленные сходства артефактов эпохи Дзёмон и артефактов так называемых исторических айну, а также на явное антропологическое сходство дзёмонского населения и "исторических айну". В настоящее время в европейской антропологии возобладала вторая точка зрения, но дискуссия на эту тему длилась очень долго, вплоть до второй половины XX в.

Вместе с тем в отечественной и отчасти в японской антропологии вопрос о связях современных айну с населением эпохи Дзёмон все еще остается в известной мере спорным. Тому есть немало причин, но основной, на наш взгляд, является чрезмерная археологизация отечественной антропологии. Когда заходит речь о древних эпохах, то прежде всего внимание уделяется материалам, найденным в результате археологических раскопок, которые нередко рассматриваются вне контекста среды обитания, вне временного контекста и без последовательного соотнесения с общим контекстом изучаемой культуры. Например, когда археологи на Сахалине, Курильских о-вах или на Хоккайдо находят в одном месте несколько десятков котлованов древних земля-

нок, то нередко делается заключение, что здесь некогда было очень большое поселение. При этом, естественно, не учитывается возможность того, что это "большое поселение", скорее всего, существовало на протяжении ряда веков и что строительство 20–30 землянок за такой большой период времени как раз, наоборот, свидетельствует о том, что это поселение было крайне малочисленным. Кроме того, часто не принимается во внимание тот факт, что люди, которые жили в этих поселениях, занимались не земледелием, а охотой, рыбной ловлей и собирательством и что для существования такой культуры совершенно необходимо значительное пространство дикой природы, а еще важнее – поддержание равновесия в природной среде и в человеческой популяции – недопущение демографических взрывов. Поэтому "больших поселений" не могло быть по определению.

В настоящей статье мы попытаемся прояснить проблему связи культуры "исторических айну" с культурой Дзёмон.

Теория С. Цубои была впервые высказана им еще в конце XIX в. Ее основные положения таковы:

1. Различия в строении скелета человека эпохи Дзёмон и современных исторических айну якобы достаточно существенны, чтобы отрицать преемственность этих популяций.

2. Глиняные статуэтки *догу*, во множестве находимые в культурных слоях эпохи Дзёмон, могут интерпретироваться как "портреты" людей каменного века. Рассматривая одежду, прическу, антропологический тип и прочие черты статуэток, Цубои пришел к выводу, что догу, скорее всего, изображают не айну, а эскимосов. Особое внимание он уделял "фигуркам в солнцезащитных очках", т.е. попросту фигуркам с очень большими глазами, занимающими иногда почти две трети лица.

3. Цубои отмечал также, что человек эпохи Дзёмон ел моллюсков больше, чем исторические айну, поскольку древние люди оставили после себя огромные раковинные кучи, чего не делают айну.

4. Кроме того, Цубои утверждал, что имеется слишком мало сходства между искусством эпохи Дзёмон и искусством исторических айну.

5. Цубои также отмечал, что айну не изготавливают керамическую посуду и каменные орудия, а также не живут в землянках.

На основании всего этого С. Цубои делал вывод о том, что люди каменного века (эпохи Дзёмон) не были предками айну.

Практически на протяжении всего XX в. продолжали накапливаться факты, опровергающие теорию Цубои и подтверждающие точку зрения Коганэи и Манро. Ее же подтверждает и лингвистический анализ легенды о *цорпок-куру*.

Прежде всего обратимся к значению слова *цорпок-куру*. Оно состоит из двух морфем: *цорпок* – "под" и *куру* – "человек". Таким образом, его можно перевести как "человек под", "люди под", т.е. "люди, живущие под землей". На Сахалине этот "доайнский" народ, как уже говорилось, называется *тон-ци*.

«Ляуфер отождествляет выражение *тонци* и *тоици* (*тои* "земля", *ци* "жилище", следовательно, "земляное жилище"), которые оба могут быть отождествлены; по Ляуферу теперешние жилища сахалинских айну также называются *тоици*, Коганэи слышал, как айну на Сахалине называли свои зимние юрты *тоицисэ*, а летние *"сакцисэ"*. Возможно, что на Сахалине *"тоици"* употребительно как местное выражение, как и *тоицисэ*, так как айну северных Курильских островов на Сикотане называют свои земляные юрты очень похожим именем – *тоицэ* (*цэ* "жилище"). Коганэи обращает внимание на то, что при удалении из слышанного Цубои на Эдзо (совр. Хоккайдо. – А.А.) вышеприведенного названия *"тоицикуру"* известной нам части *"куру"* получается то же название, которое Ляуфер слышал на Сахалине, которое, однако, иначе объясняется. Тории Рюдзё слышал, как на о. Эторофу (совр. Итуруп. – А.А.) две старые

айнские женщины называли этот мифический народ именем *тоисэкуру* (сэ "жилище")» (Позднеев 1909. Т. 1: 42–43).

К этому пассажи можно добавить, что *той* означает землю как почву; *ци*, *цэ*, *сэ* – диалектные варианты слова *ци-сэ* – "дом", "жилище", букв. "наше гнездо/берлога"; варианты *тонци/тойци* абсолютно логичны и регулярны, если иметь в виду, что в языке айну на морфемных стыках существуют позиционно обусловленные чередования: *рт* → *тт*, *рн* → *нн*, *нс* → *йс*, *ни* → *йи*.

Таким образом, видно, что слова *тон-ци* и *цорпок-куру* являются абсолютно нормальными словами языка айну, этимология их абсолютно прозрачна и, что особенно примечательно, – эти слова употреблялись айну в отношении самих себя.

Также очень интересен и важен тот факт, что легенда о цорпок-куру бытовала там, где айну уже более или менее отошли от традиционного образа жизни. "... Далее на север это предание (легенда о цорпок-куру. – А.А.) уже прекращается, на северных Курильских островах о нем никто ничего не знает, и здесь не только не рассказывается о том, чтобы эти острова были заселены кем-либо до переселения туда айну, напротив они утверждают, что живут на этих островах с самых давних времен. При расспросах об остатках каменного века, айну Северно-Курильских островов с уверенностью говорят, что эти остатки принадлежат их предкам" (Там же: 52).

Предметом особой дискуссии в начале XX в. стали также каменные орудия японских неолитических культур. Первоначально, на заре японской археологии, были выделены только две культуры: Дзёмон, что означает "веревочный узор", и Яёи, названная так по имени квартала в Токио, при земляных работах в котором она была первоначально обнаружена. Деление это в общих чертах сохраняется и поныне. Однако вскоре стало ясно, что Дзёмон – это не одна культура, а совокупность ряда локальных культур, существовавших в разных районах Японского архипелага и сменявших друг друга на протяжении ряда тысячелетий. Они существенно разнятся и по форме и орнаментации керамики, и по типологии сопутствующего каменного инвентаря. Общим для них является лишь то, что фон для лепной, прорезной или заглаженной орнаментации во всех случаях создавался прокаткой по сырой глине палочки, обмотанной узловатой веревочкой (впрочем, даже плетение веревочки, а также величина и форма завязанных на ней узелков в разных культурах группы Дзёмон бывают различны).

Позднейшие культуры типа Дзёмон исчезают в разных районах Японии в разное время, в основном (в форме культур эпи-дзёмона) в середине – конце I тысячелетия до н.э., а на Севере Японии сохраняются вплоть до начала нашей эры, сменяясь культурой Сацумон, уже не с веревочно-тисненой, а с гребенчато-штамповой поверхностью керамики. Процесс этот постепенный и не дает основания говорить о смене населения в ходе каких-либо миграций. Напротив, замена керамики позднего Дзёмона керамикой Яёи с гладколощенной поверхностью в Центральной и Южной Японии в середине – конце I тысячелетия до н.э. несомненно отражает частичную смену и широкую ассимиляцию местного населения мигрантами с совершенно иной (собственно протояпонской) языковой и культурной традицией. Поэтому, говоря о связях населения эпохи Дзёмон с современными айну, следует иметь в виду, что речь идет отнюдь не о всей совокупности культур группы Дзёмон в Японии в целом, а лишь о культурах Северной Японии, притом относящихся прежде всего к эпохе среднего позднего Дзёмона. Материал, на который опирался С. Цубои, относится главным образом к эпохе и позднего Дзёмона на севере Хонсю и более всего к культуре Камэгаока. Именно с ней и с близкими к ней культурами и имеет смысл сопоставлять данные об использовании народом айну в относительно недалеком прошлом каменных орудий.

Д.М. Позднеев приводит факты, которые свидетельствуют о том, что айну Северных Курильских о-вов использовали каменные орудия. "Предводителем колонизационного бюро для Курильских островов Гундзи Наритада было сделано очень важное

открытие на самом северном из этих островов Сюмусю (совр. Шумушу. – А.А.). В местности Бэттофу (или лучше Пэттопо) находятся около 60 юрт, крыши которых большей частью провалились, но есть и такие, которые сохранили свою первобытную форму. В этих юртах, обитавшихся северно-курильскими айну до переселения их на Сикотан (совр. Шикотан. – А.А.) в 1884 г., кроме различных орудий айну на чердаке одной из них обнаружена связка из 20–30 стрел. Стрелы эти снабжены частью медными наконечниками, отчасти же каменными, и интересно это особенно в том отношении, что каменные наконечники совершенно не отличаются от каменных наконечников, извлеченных из остатков каменного века. Здесь же вблизи найдено целое множество каменных осколков и готовых каменных наконечников, и можно предположить, что здесь была фабрика для изготовления их. Об этой находке Гундзи устно сообщил Цубои, который объясняет ее следующим образом: обитатели юрт случайно нашли такие каменные наконечники и прикрепили их к своим стрелам. Весьма возможно, что на Сюмусю находят каменные наконечники в большом количестве, но это еще не служит доказательством того, чтобы северо-курильские айну являлись потомками человека каменного века, остатки которого мы видим на Эдзо. Коганэи же напротив заявляет, что, по его мнению, если принять во внимание степень культуры айну, то окажется гораздо более правдоподобным, что каменные наконечники были изготовлены никем другим как самими айну северных Курильских островов" (Позднеев 1909. Т. 1: 40–41).

Смена каменной орудийной индустрии на металлическую является общим моментом технологической эволюции человечества, и в каждом конкретном случае речь может идти лишь о том, когда, каким путем и в каких обстоятельствах она проходила. Иногда, как в горных районах Новой Гвинеи, эта смена может протекать полностью в рамках жизни одного поколения, но обычно она занимает целую эпоху, охватывающую жизнь многих поколений, осуществляется поэтапно, и к моменту завершения этого процесса обстоятельства его начала могут уже "выветриться" из устной традиции. Так, по-видимому, обстояло дело и с айну. Каменный инвентарь всех культур Дзёмона достаточно разнообразен – он включает топоры, тесла, наконечники стрел и копий, скребки, резцы, проколки и т.д. Кроме того, в устной традиции мы видим существенно иную картину.

«Относительно каменной утвари они (айну Северных Курильских о-вов. – А.А.) рассказывают, что в древние времена, когда еще не было железа, утварь выделывали из камня, и только двух различных видов: 1) каменные топоры "*поинамукару*" (*пои* – камень, *мукару* – топор), из так называемого камня эсюен, и 2) каменные наконечники для стрел *анзиаи* (*анзи* – род камня, агат, *аи* – наконечник стрелы). К сожалению, производство этой каменной утвари теперь забыто, но у айну северных Курильских островов до сих пор сохранилась удивительная поговорка того времени, которую они говорят по окончании трудной работы: "*Poinamukaru niushpe ashinka shiri tinka*", что означает: "рубить дерево каменным топором стоило больших трудов"» (Там же: 52).

Естественно, что в начале перехода от камня к металлу последний еще очень дефицитен, высоко ценится и используется в основном для орудий тонкой работы – резцов, сверл, проколов, тогда как более массивный и массовый инвентарь – наконечники, тесла, топоры – продолжает изготавливаться из камня. Примерно в то же время, когда у айну заканчивался переход к металлу, т.е. в середине – конце I тысячелетия н.э., у эскимосов он только начинался. Находки железа в древнеэскимосских памятниках очень редки, и изделия из него крайне миниатюрны, хотя, несомненно, древние эскимосы были с ним хорошо знакомы (Арутюнов, Глинский, Сергеев 1977).

Во времена, когда Д.И. Позднеев готовил свое обобщающее исследование, керамика древних айну была изучена еще недостаточно. Тем не менее он пишет: «О глиняной утвари, отыскиваемой в горах раковин, мы имеем более подробные сведения, чем о

каменной. До получения железных котлов от айну острова Эдзо (т.е. через посредство айну от японцев) или с севера от русских, айну северных Курильских островов сами выделывали себе горшки из глины, об изготовлении которых семидесятилетний старик сообщил Тории следующее: «Сначала смешивается глина (*тои*) с песком (*отта*), сюда прибавляется вода, все это вместе месят, и затем как связочное средство в это тесто прибавляется мелко изрезанная тонковолокнистая трава "*ноканки*". Из этой массы выделывалось кольцо, называемое "*тоикарю*" (*карю* – *обруч*), из этого кольца можно было выделывать посуду различной формы. Каждый изготовленный сосуд затем наполнялся водой и ставился на огонь для накаливания. Вода быстро вываривалась и испарялась, когда же посуда совсем высохла, она вынималась из огня». В этом и состояло все искусство. Однако не всюду имелась глина пригодная для изготовления из нее горшков, иногда приходилось ее приносить издалека. Такая глина добывалась, например, на острове Алаиде (Алаид – старое русское название острова Атласова, айнское название этого острова – Паца котан. – А.А.) и в Мозирикэси, на острове Расёва (совр. Расшуа. – А.А.) Специальных горшечников у айну не существовало. Каждый сам изготовлял себе посуду, смотря по надобности. Главным образом этим искусством занимались женщины, и самыми способными из них в этом отношении были женщины острова Парамусири (совр. Парамушир. – А.А.), а женщины острова Расёва напротив были в этом деле очень неискусны. Искусство состояло главным образом в умении пользоваться травой "*ноканки*". Глиняные сосуды по большей части изготовлялись только двух форм. Одна была похожа на сковороду и называлась "*тоисю*" (сковорода, на которой варят), а вторая в виде тарелки и называлась "*тоисара*" (*сара* – тарелка). К краям сковороды были прикрепляемы ручки, в эти ручки продевалась веревка, скрученная из травы "*мури*". За веревку сковорода подвешивалась над огнем для приготовления в ней пищи. При этом часто случались несчастья: сковорода разбивалась, что, конечно, причиняло большое огорчение. Из всего этого видно, как свежо сохранилось предание об образе жизни айну северных Курильских островов того времени» (Там же: 52–53). Здесь речь идет явно о керамике типа нэйдзи, которая была глиняной имитацией японских железных котелков периода раннего средневековья. Другим распространенным видом керамических изделий являются статуэтки догу.

"Древнейшие догу относятся к начальным этапам Дзёмона. Они представляют собой небольшие, высотой около 5 сантиметров, плоские глиняные пластинки, на внешней стороне которых изображены маленькие торчащие груди. Сами фигурки очень схематичны. Антропоморфность их подчеркивается изображением груди и подтреугольной формой.

В среднем Дзёмоне появляются более реалистичные изображения. Они приобретают объемность, увеличиваются, достигая 25 и даже 30 сантиметров. Головки их трактованы условно, глаза и рот показаны простыми округлыми поверхностями, брови намечены мелкими рельефными дугами, переходящими в небольшой нос. Руки и ноги еще не вылеплены. Вместо рук мы видим округлые выступы плеч, а вместо ног – цилиндрическое основание, иногда раздвоенное. Внимание древнего мастера акцентировано главным образом на женских признаках" (Васильевский 1981: 130–131). Орнаменты на догу в целом аналогичны орнаментам на сосудах.

С. Цубои, полагавший, что культура Дзёмон не является айнской, называл догу фигурками в солнцезащитных очках (из-за непропорционально больших глаз), какие существуют, например, у эскимосов. Н.Г. Манро, однако, показывает, что подобная гипотеза несостоятельна, так как солнцезащитные очки совершенно ни к чему в Японии, где не существует так называемой снежной слепоты. С точки зрения Манро, догу – это уже вполне гротескные, абстрактные изображения, и они, конечно, никак не могут рассматриваться как портретные изображения, и, следовательно, такие глаза яв-

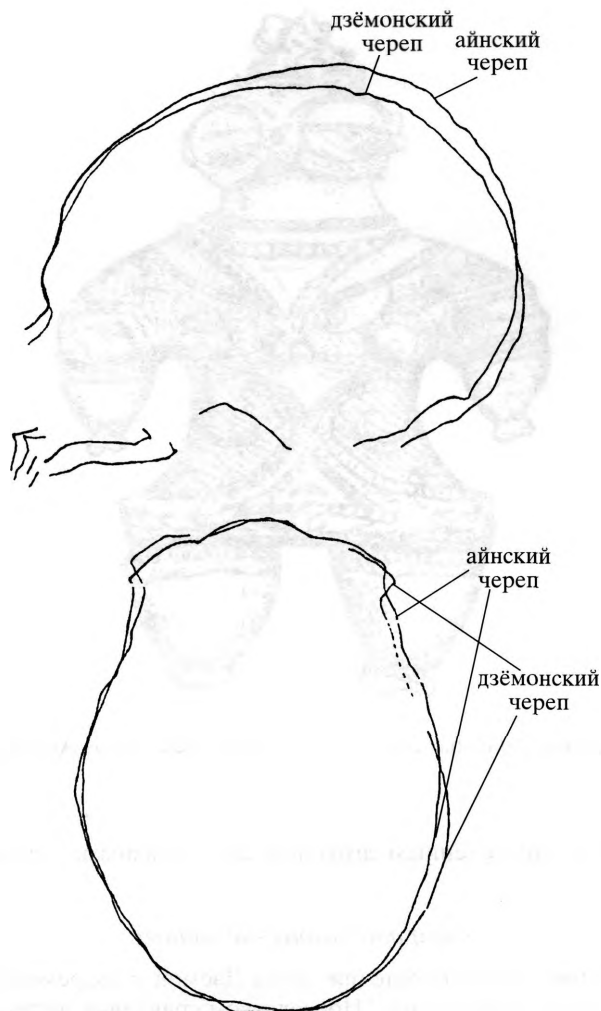
Догу – "фигурка в солнцезащитных очках" из Токомай, префектура Аомори (*Киддер* 2003: 81)

ляются скорее всего определенным символом, своеобразными "окнами души" (*Munro* 1911: 227, 229).

Антропологические данные

Для подтверждения связей населения эпохи Дзёмон с современными айну Манро обращается к данным краниологии: "Посредством сравнения индивидуальных черт я установил идентичность черепов из раковинных куч и черепов Айну и пришел к заключению, что они (т.е. айну и люди эпохи Дзёмон. – А.А.) одного происхождения" (*Ibid.*: 673). Приводимый в нашей статье рисунок, сделанный проф. Коганэи для Н.Г. Манро и помещенный последним в своей книге, демонстрирует именно это сходство. Рисунок сделан Коганэи по усредненным обводам черепов, но он не сообщает, откуда взяты исходные индивидуальные данные. Об этом же пишет и М.Г. Левин: "По всем основным признакам неолитические черепа сближаются с айнскими и занимают крайнее положение по сравнению с черепами японцев" (*Левин* 1961: 72). К таким же заключениям приходят и современные антропологи К. Ханихара, Б. Ямагути и др. (*Ханихара* 1996; *Yataguchi* 1990). В рассматриваемое время в краниологии еще не получили распространение такие методы, как анализ дискретно варьирующих признаков, а также данные одонтологии. Между тем именно по этим данные наиболее надежно прослеживаются связи населения всей Японии эпохи Дзёмон с айну и существенные отличия этого населения от современных японцев (*Kozintsev* 1993; *Turner* 1976).

Данные топонимики свидетельствуют об имевшем место в период сложения основного корпуса японских топонимов (I тысячелетие н.э.) широком распространении ай-

Сопоставление абрисов дэмонского и айнского черепов (Munro 1911: 669)

ну и их языка на всем Севере Японии. Н.Г. Манро пишет: когда мы находим много мест, где существуют раковинные кучи, носящих названия явно айнского происхождения, то можно лишь утверждать, что люди, использовавшие тот же язык, что и айну, ранее жили в тех местах (Munro 1911: 669).

Например, топоним *Омори* в основном рассматривался как название японского происхождения, интерпретировался он так: *О* – большой, обширный; *мори* – лес. На самом же деле это название происходит от двух айнских слов: *О* – "выдающийся, выступающий" и *мори* – "маленький холм" (Ibid.: 669).

Что касается замечания С. Цубои, будто исторические айну не оставляли и не оставляют раковинных куч, тогда как от эпохи Дзёмон до нас дошли огромные кучи раковин, то нужно иметь в виду, что никакая культура, даже и так называемая традиционная, не стоит на месте. Традиционным культурам так же, как и всяким другим,

свойственно развитие своей технологии. Собирательство есть наиболее простая (неквалифицированная) хозяйственная деятельность. В развитых культурах охотников и рыболовов собирательство играет вспомогательную роль, но в ту эпоху, когда охотничьи и рыболовные техники только формировались, собирательство было основной хозяйственной деятельностью, хотя впоследствии, по мере развития более производительных отраслей хозяйственной деятельности, оно отгесняется на периферию. Поэтому нет никакого противоречия в том, что древние айну оставляли значительные кучи раковин, а современные/исторические айну не оставляют раковинных куч. В культуре исторических айну технология рыболовства и охоты была уже вполне развита, и прибрежное собирательство стало вспомогательным занятием.

Исходя из всего сказанного выше, можно утверждать, что легенда о *цорпок-куру* есть не более чем легенда, не имеющая ничего общего с историческими реалиями.

Следует отметить также, что сама по себе легенда о *цорпок-куру* есть не что иное, как описание собственно традиционного айнского быта той эпохи, когда айну еще могли вполне беспрепятственно вести свой традиционный образ жизни и не испытывали еще ни деструктивного, ни конструктивного воздействия интенсивных торговых, культурных, политических контактов с японцами.

История легенды о *цорпок-куру* также наглядно показывает, как при изучении древних культур опора на данные только одной науки (археологии или фольклористики) может завести в тупик, и что при изучении так называемых примитивных культур всякое явление должно рассматриваться в контексте данных различных отраслей этнографии и антропологии.

Литература

- Арутюнов, Глинский, Сергеев 1977 – Арутюнов С.А., Глинский Е.А., Сергеев Д.А. К вопросу о проникновении железа в Арктику // Сов. этнография (далее – СЭ). 1977. № 1.
- Васильевский 1981 – Васильевский Р.С. По следам древних культур Хоккайдо. Новосибирск, 1981.
- Киддер 2003 – Киддер Дж.Э. Япония до буддизма. Острова, заселенные богами / Пер. с англ. О.И. Миловой. М., 2003.
- Козырева 1967 – Козырева Р.В. Древний Сахалин. Л., 1967.
- Левин 1961 – Левин М.Г. Некоторые проблемы этнической антропологии Японии // СЭ. № 2. 1961.
- Позднеев 1909 – Позднеев Д.М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России. Т. I. Ёкогама, 1909.
- Ханихара 1996 – Ханихара К. Нихондзин но тандзё. Дзинруй харука нару рё (Рождение японской нации. Долгое путешествие человеческой расы). Токио, 1996 (на яп. яз.).
- Kozintsev 1993 – Kozintsev A.G. Ainu Origins in the Light of Modern Physical Anthropology // Homo. 1993. Vol. 44. № 2. P. 105–127.
- Munro 1909 – Munro N.G. Prehistoric Japan. Yokohama, 1909.
- Turner 1976 – Turner C.G. Dental Evidence on the Origins of the Ainu and Japanese // Science. 1976. Vol. 193. P. 911–913.
- Yamaguchi 1990 – Yamaguchi B. Skeletal Morphology of the Jomon People // Transactions of International Symposium on Japanese as a member of the Asian and Pacific population / Ed. K. Hanihara. September 25–29. Kyoto, 1990.
- Yamaguchi et al. 1993 – Yamaguchi B., Ishida H., Matsumura H. On the Skeletal Remains of Kurile Ainu Collected by the Late Kingo Hayashi. Memoirs of the National Science Museum. 1993. Vol. 26. P. 151–169.